

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-94-105>

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭТИКО-ФИЛОСОФСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛЮБВИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕТОПИСНОГО ТЕКСТА)

**Ирина Валерьевна
Ерофеева**¹

**Мария Александровна
Пильгун**²

¹ Казанский федеральный университет

Казань, Россия, erofeeva89@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6702-9129>

² Российский государственный

социальный университет

Москва, Россия, pilgunm@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8948-7075>

Аннотация. Статья посвящена реконструкции одной из наиболее значимых этических доминант средневекового сознания по материалам сохранившихся письменных источников с опорой на исторические и литературоведческие данные. Формирование представления о любви в мировоззрении русского средневековья было важно для трансляции нравственных принципов недавно воспринятого христианского вероучения. Поэтому наиболее значимым в содержательной стороне данного понятия является любовь к Богу и приверженность проповедуемым им принципам. Поскольку идейные установки православия находились в противоречии с социальными и политическими факторами внеязыковой действительности, их пропаганда имела очень большое значение в идеологической сфере. Высокие этические принципы, среди которых любовь занимала одно из главенствующих мест, были важным средством борьбы с грубостью и жестокостью феодального государства. Использование в качестве материала для исследования летописного текста позволяет представить картину мира человека средневековья с наибольшей полнотой. Текст «Повести временных лет» содержит произведения разной тематической и жанрово-стилистической направленности, в которых слово *любовь* реализует разные компоненты значения: от любви к Богу, как наиболее значимому воплощению данного чувства в этико-философской картине мире средневековья, до любви отеческой, братской, дружеской. В контекстах исторического, документального, биографического характера смысловое содержание понятия «любовь» в древнерусском языке оказывается гораздо ближе к понятию «дружба». В текстах договоров понятие «любовь» передает представление о мире и согласии между народами. В средневековом тексте не получает отражение восприятие любви как чувства привязанности, симпатии к другому человеку в связи с отсутствием индивидуализации характеров.

Ключевые слова: древнерусский язык, картина мира, средневековье, летопись, этика, философия, категории культуры.

Для цитирования: Ерофеева И. В., Пильгун М. А. Реконструкция этико-философского представления о любви в древнерусском языке (на материале летописного текста) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 94–105. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-94-105>

Сведения об авторах: *И. В. Ерофеева* – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский федеральный университет, 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18;

М. А. Пильгун – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Междисциплинарная научно-исследовательская лаборатория, Российский государственный социальный университет, 129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1.

© Ерофеева И. В., Пильгун М. А., 2024

Scientific Article
UDC 811.161.1
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-94-105>

RECONSTRUCTION OF THE ETHICAL AND PHILOSOPHICAL IDEA OF LOVE IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON THE MATERIAL OF THE CHRONICLE TEXT)

*Irina V. Erofeeva*¹

*Mariya A. Pilgun*²

¹ Kazan Federal University
Kazan, Russia, erofeeva89@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6702-9129>
² Russian State Social University
Moscow, Russia, pilgunm@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8948-7075>

Abstract. The article deals with the reconstruction of one of the most significant ethical dominants of medieval consciousness based on materials from surviving written sources, based on historical and literary data. The formation of love idea in the Russian Middle Ages worldview was important for the translation of the moral principles of the newly perceived Christianity. Therefore, the most significant in the content side of this concept is love for God and adherence to the principles he preaches. Since the ideological principles of Orthodoxy were in conflict with the social and political factors of extralinguistic reality, their propaganda was very important in the ideological sphere. High ethical principles, among which love occupies one of the leading places, were an important means of combating the rudeness and cruelty of the feudal state. The use of chronicle text as a material for research allows us to present the picture of the world of medieval man with the greatest completeness. The text of “The Tale of Bygone Years” contains works of different thematic and genre-stylistic orientation, in which the word love realizes different components of meaning: from love for God, as the most significant embodiment of this feeling in the ethical and philosophical picture of the world of the Middle Ages, to paternal, brotherly, friendly. In contexts of a historical, documentary, biographical nature, the semantic content of the concept of “love” in the Old Russian language turns out to be much closer to the concept of “friendship”. In the texts of treaties, the concept of “love” conveys the idea of peace and harmony between peoples. The medieval text does not reflect the perception of love as a feeling of attachment, sympathy for another person due to the lack of individualization of characters.

Keywords: Old Russian language, worldview, the Middle Ages, chronicles, ethics, philosophy, cultural categories.

For citation: Erofeeva, IV & Pilgun, MA 2024, ‘Reconstruction of the Ethical and Philosophical Idea of Love in the Old Russian Language (Based on the Material of the Chronicle Text)’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (18), pp. 94–105, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-94-105> (in Russ.)

Information about the Authors: *Irina V. Erofeeva* – Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of the Russian Language and Methods of Teaching, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University, 18, Kremlevskaya Str., Kazan, 420008, Russia; *Mariya A. Pilgun* – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Leading researcher of the Interdisciplinary research laboratory, Russian State Social University, 4/1, W. Pieck Str., Moscow, 129226, Russia.

Введение

Рассуждение о мире человека, реконструируемого по памятникам древнерусской письменности, невозможно без опоры на исследования известнейшего ученого-гуманиста нашего времени Дмитрия Сергеевича Лихачева. Автор многочисленных монографий о литературе Древней Руси, он убедительно показал своеобразие художественного метода этой литературы, обозначил ее основные черты, определил особенности изображения человека в ней. Обозначив господствовавший в то время стиль как стиль монументального историзма, он объяснил его распространение феодальным устройством общества и принятыми в обществе того времени представлениями о чести, правах, долге, в том числе патриотическом [12]. Наиболее отчетливо этот стиль прослеживается в летописях и других светских произведениях.

Одной из важных черт древнерусской литературы была церемониальность, заключавшаяся в особой помпезности, торжественности, пышности, парадности слога. Текст строился в соответствии с принципами литературного этикета, определявшего литературные каноны, подробно описанные в монографии Д. С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы» [13]. Слабая выраженность индивидуально-авторского начала предопределяла использование шаблонных конструкций как в плане выражения необходимого содержания, так и в плане их смыслового наполнения. При этом употреблявшиеся в разножанровых текстах того времени формульные выражения не были раз и навсегда заданными, они могли подвергаться различным трансформациям, допускавшим проявление творческого авторского начала [13, с. 103–109].

Для литературы Древней Руси характерен своеобразный художественный метод отображения действительности. По мнению А. Н. Ужанкова, «словесные образы церковной книжности не есть произвольные описания сиюминутных состояний, конкретных ситуаций и действующих лиц, но являются изображением идеальных подобию этих ситуаций, то есть не того, как было, но того, как должно быть в соответствии со своим первообразом (логосом)» [19, с. 141]. Поэтому в словесных образах того времени значимые нравственные идеи отражаются в более обобщенном и опосредованном виде, сквозь призму Священного Писания.

Одним из первых ученых, давших комплексную характеристику картины мира эпохи средневековья, был А. Я. Гуревич, рассмотревший особенности мировоззрения западного средневековья [5]. Многие из описанных им категорий имеют общечеловеческий характер и могут быть применимы к картине мира человека Древней Руси. Человек в литературе того времени был представлен обобщенно, характеры не были индивидуализированы, но такой ракурс позволял более четко высветить этические доминанты средневекового сознания и нравственные представления, господствовавшие в обществе. Вслед за А. Я. Гуревичем известный российский ученый-медиевист А. Н. Ужанков реконструировал картину мира древнерусского человека, определив ее бинарный характер. «Приняв христианство, Древняя Русь приняла и это обобщенное устоявшееся знание с четкой картиной бинарного мира и представлениями о человеке как малом мире, «микрокосмосе» – подобию большого мира – «макрокосмоса» [20, с. 6]. На долгие столетия христианская идеология оказалась определяющей в мировоззрении, и задачей книжников была трансляция ее в народные массы. Все интенции были направлены на познание Бога, как вне, в его абсолютности, так и внутри себя – во внутренней организации самого человека.

Своеобразие общественного сознания заключалось в том, что оно формировалось под воздействием мира идеальных образов, представленных в религиозных текстах, с одной стороны, и мира жестоких нравов феодального общества того времени – с другой стороны. «Этические нормы, как и другие идеальные установки, были вынуждены подчиняться действию социальных и политических сил средневеко-

вого государства» [4, с. 129]. Поэтому значимость гуманистических идей христианства была очень велика. Они не могли последовательно воплощаться в реальной жизни, но в идеальном мире они существовали. Чрезмерная этизация средневековой жизни не отражала высокий моральный уровень общества того времени, но являлась активным средством борьбы с жестокостью нравов, косностью малогуманных традиций [4, с. 130].

Материалы и методы

«Повесть временных лет» – наиболее известный памятник летописного жанра, в котором отражается разностороннее представление об исторической, политической, языковой ситуации своего времени. Несмотря на тенденциозность летописного повествования, оно тем не менее воспроизводит с наибольшей полнотой жизнь определенных социальных слоев общества эпохи средневековья. Компилятивный характер текста позволяет составить представление о воплощении этических идеалов средневекового человека в различных ситуациях. Кроме того, анализ составляющих летописи произведений позволяет реконструировать ментальный мир человека того времени. В состав летописи входили произведения документального, агиографического, фольклорного и других жанров, которые различались не только содержательно, но и в языковом отношении. Летописные тексты дают значительный материал для изучения не только культурного наследия Древней Руси, но и этико-философских взглядов на мир человека средневековья.

Обращение к памятникам летописного жанра, представляющим уникальные источники для изучения и русского литературного языка, и истории русской земли, и русской литературы, позволяют реконструировать элементы картины мира нашего предка с достаточной долей объективности, так как писались они живыми людьми, летописцами. Средневековые писатели, конечно же, в большой степени находились под влиянием шаблонов и традиционных схем, использовали священные тексты, постоянно цитировали их, но в то же время выражали, пусть незначительный (в рамках допустимого варьирования), но все же собственный, личный взгляд на ситуации и других людей. Элементы субъективного отношения к событиям были связаны и с тенденциозностью летописного повествования, с приверженностью летописца определенным политическим тенденциям, с влиянием на их мнение князей-правителей.

Исходя из принципов жанрово-стилистического многообразия древнерусской летописи анализируется и картина мира книжника того периода. Специфика фактического материала, ориентация на многоаспектность изучения языковых фактов определили использование в работе ряда исследовательских методов. Метод семантико-когнитивного анализа позволяет охарактеризовать результаты отражения мыслительной деятельности человека в языке, выявить соотношение семантики языка и концептосферы народа, описать семантические процессы в их связи с когнитивными. Применение исторического метода в изучении языкового материала направлено на анализ специфики употребления образований с корневым *люб-* в текстах летописного свода и произошедших с ними в дальнейшем изменений. Применение текстологического метода позволяет установить исторические закономерности изменения текста в целом и отдельных лексических единиц в частности. Метод компонентного анализа лексической семантики используется для изучения функционирования отдельных языковых единиц в контексте.

Результаты

Одной из важнейших нравственных категорий, получивших отражение в летописном тексте, является любовь. Еще в дохристианский период существовало множество слов, обозначающих различные стадии, формы, оттенки любовного чувства. Однако с принятием христианства идея человечности стала выражаться единым словом *любовь*. По мнению известнейшего русского лингвиста, философа язы-

ка В. В. Колесова, «родовым по смыслу стало слово любовь, потому что любовь существует «сама по себе», вне субъектов ее деятельности» [9, с. 356–357]. Понятие «любовь» стало важнейшей категорией христианской философии. Уже древние греки различали разные формы любви: семейная, дружеская, эротическая, жертвенная, любовь к Богу. Древнерусское слово *любовь* вобрало в себя все значения соответствующих греческих слов, оказавшись более приспособленным для их выражения по сравнению с корнем *мл-*, который в первых переводах использовался для номинации соответствующего чувства.

Корень слова *любовь* имеет не просто общеславянское, но индоевропейское происхождение, и обозначает он тяготение, влечение, восхищение, признание и совокупность подобных положительных качеств, характеризующих отношения. В. В. Колесов отмечал, что слово *любовь* потому смогло стать родовым обозначением, что выражало чувство активное, завлекающее, связанное с действием многогранным, с его помощью можно было передать идею и земной, и небесной любви, следовательно, образовать символ [9, с. 357]. Любовь не просто является основным концептом в осмыслении всякого сознания и познания [8, с. 103], но и важнейшим символом культуры [10, с. 273].

В философской концепции В. С. Соловьева за любовью признается начало видимого восстановления образа Божия в материальном мире, начало воплощения истинной идеальной человечности [18]. По словам философа, «помимо материального или эмпирического содержания своей жизни каждый человек заключает в себе образ Божий, т. е. особую форму абсолютного содержания» [18]. С принятием христианства утверждался принцип богоподобия человека, определявший непрерывную устремленность к Богу через овладение признанными добродетелями [14, с. 61].

В этической системе ценностей русской ментальности любовь занимает центральное место [6, с. 44]. Все предшествовавшие представления о любви переосмысливаются в духе новой христианской традиции. Чувства относятся к области внутреннего мира человека, однако понятие об этом мире в средние века весьма условно. В новое время под внутренним миром подразумевается «психика» человека, но в древности как таковая психика еще не является предметом описания, и, по мнению Д. С. Лихачева, «абстрактный психологизм» появляется только в XIV – XV веках, когда писатели стали обращать внимание на чувства и эмоции человека [12, с. 72]. В недрах средневековой литературы зарождается и философская традиция, которая во многом восходит к античной. Она вплетена в язык культуры, язык литературы, потому и сама литература была философски емкой и наполненной. В совокупности этического и философского понимания происходит становление концепта «любовь», о специфике которого в древнерусском мировоззрении мы можем судить по представляющим его языковым единицам и их функционально-семантическим особенностям в тексте.

Любовь в средневековье – это сущностный атрибут Бога [3, с. 229], продолжение платоновской концепции небесной и земной любви. Так как именно Бог представляется идеалом любви, то и человек должен испытывать подобное чувство ко всем ближним, поскольку в каждом человеке есть частица Бога. Именно этот аспект любви, привнесенный из Библии – Бог есть любовь – является наиболее значимым для авторов летописного повествования. Через призму любви к Богу осмысливается и любовь между людьми в том обыденном смысле, который мы придаем этому чувству в нашем повседневном восприятии. Жанр летописи, продолжавший жанр хронографов и отличавшийся документализмом, тем не менее включал большое количество морализаторских рассуждений (с современных позиций их можно назвать лирическими отступлениями), в процессе написания которых летописец задумывается над сущностью наиболее значимых для человека принципов жизни и в назидательном

тоне призывает к соблюдению божественных предписаний, следование которым есть залог воплощения не только высшей, духовной, сверхчеловеческой любви, но и земной, телесной, человеческой.

В зависимости от содержательной направленности летописного отрывка находятся и соответствующие языковые формы. Кроме того, стилистическая разноплановость составляющих летопись произведений определяет использование соответствующих содержанию погодной статьи шаблонных формул и конструкций. О святом летописец говорит с использованием церковнославянских языковых форм, о князе или воине – в более светской манере. Однако лексический фонд двух славянских языков во многом был общим, и многие значимые для русского человека понятия одинаково выражались и на старославянском (позже- церковнославянском), и на русском языке, к их числу относится и слово *любовь*, хотя для старославянского языка более характерна древняя начальная форма этого слова *любы*. Данная форма представлена в летописи в цитате из Иоанна, в которой раскрывается основное символическое содержание любви в средние века и обосновывается высшая суть и смысл этого чувства: *Яко же Иоан глаголетъ: “Богъ **любы** есть, и пребывая у **любы**, у Бози пребываетъ, и Богъ в немъ пребываетъ”* (ПВЛ, 1078 г.). С позиций средневековой морали высшую форму любви заслуживают христианские мученики самим фактом своей трагической кончины, в частности братья Борис и Глеб, варварски убитые братом Святополком: *Възвысила бо есть ваю свѣтоносная небеснаа **любы**, тѣмъ красныхъ всихъ наслѣдоваста въ небеснемъ житиѣ, славу, и райскую пищу, свѣтъ разумныи, красная радости.* (ПВЛ, 1015 г.).

Для понимания специфики религиозных взглядов летописцев важным представляется тот факт, что с XI века основным идейным центром православия на Руси стал Киево-Печерский монастырь. Именно там зарождается и ведется летописание, поэтому в тексте «Повести временных лет» можно обнаружить черты, характерные для русской религиозности того времени. Самым известным церковным подвижником монастыря был Феодосий Печерский, и в его уста вкладываются слова о роли любви в земной жизни и в отношениях между людьми, прежде всего в монастырской среде. «Феодосий был поборником мистико-аскетической традиции греческого богословия, суровым критиком неправославных вероучений» [2, с. 181]. В летописной статье о житии Феодосия Печерского любовь представляется как нравственное правило, которому должны следовать и которое должны соблюдать монахи: *В **любви** пребывающе, мнѣшии покоряющесе старѣшимъ, не смѣюще предъ ними глаголати, но все с покорениемъ и с послушаниемъ великомъ* (ПВЛ, 1074 г.). В то же время любовь осмысливается не просто как духовное состояние, но и как деятельное начало, имеющее проявления в конкретных действиях. Не так просто было соблюдать все требования сурового монастырского устава, и с позиций христианского милосердия, сострадания обосновывается любовь как проявление поддержки и помощи в среде монахов: *Аще который братъ впадетъ в кое любо согрѣшение, и утѣшаху ѿ, и епитемью единого брата раздѣляху 3-е или 4 за великую **любовь**. Такова бо бѣше **любовь** в братѣи той и въздержаніе велико* (ПВЛ, 1074 г.). В религиозных контекстах типичным является использование при слове *любовь* эпитета *великыи*, подчеркивающего размер, масштаб испытываемого состояния. *Великыи* относится к одному из наиболее частотных адъективов в летописном тексте, используемом для интерпретации множества явлений и событий эпохи средневековья, в том числе обозначенных именами отвлеченной семантики. Такие сочетания, как *великая любовь*, носят формульный характер.

При описании событий внимание летописца обращалось на поступки, через призму которых оценивался человек в целом, при этом значимую роль играло его социальное положение или положение в церковной иерархии. Необходимо учиты-

вать, что в XI – XIV веках в литературе были представлены идеализированные образы, характеризующиеся качествами, обязательными с точки зрения феодального строя и этики христианства [1, с. 3]. О восприятии любви в светской среде можно судить по словам Ярослава своим сыновьям перед смертью: *Имхите в собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матери, да аще будете в любви межю собою, Богъ будетъ в васъ* (ПВЛ, 1054 г.). Земная любовь между братьями связывается с божественным началом этого чувства. Именно любовь в структуре христианской картины мира – залог и земного, и небесного равновесия.

Необходимость защиты православия становится неременным атрибутом не только церковной, но и княжеской власти. Правитель обязан и отстаивать, и проповедовать христианские принципы и, конечно же, в своей собственной жизни соблюдать их. Сквозь призму религиозного восприятия преломляется и проявление данного чувства в родственных отношениях. Идея прощения за грехи, незлопамятства пронизывает контексты, в которых описываются события в княжеской среде: при этом отмечается четкая параллель любви в церковной и мирской сферах. Например, идея прощения как истинного проявления любви четко прослеживается в словах князя Изяслава брату Всеволоду: несмотря на пройденные испытания, гонения со стороны братьев, разграбление ими его имущества, он не отвечает злом на зло: *Елма же ты, брате мои, показа ко мнѣ любовь, уведи мя на столъ мои, нарекъ мя старшии себе, се азъ не помяну злобы первоѣ, ты мнѣ еси братъ, а я тобѣ, и положю главу свою за тя* (ПВЛ, 1078 г.). Далее в комментариях летописца проявляется не только морализаторство, но и живое чувство восхищения поступком князя: *Не рече бо ему: “Колко зло створиста мнѣ, и се нынѣ тобѣ ся приключи”, не рече: “Се-го кромѣ мене”, но на ся перея печаль братню, показа любовь велику* (ПВЛ, 1078 г.), где также используется формульное выражение *любовь велика*. О таком понимании любви В.В. Колесов говорит, что в русской ментальности концепт «любовь» осмыслен как символ единения, близости и дружеской симпатии [8, с. 103].

В связи с осмыслением любви как глубоко духовного чувства, ее земные проявления вызывали опасения [11, с. 51]. Средневековые христиане считали, что именно они познали истинный смысл любви в отличие от язычников. Не случайно в историко-этнографическом введении «Повести временных лет» в повествовании о скифском племени присутствует упоминание о любви как о проявлении низменных инстинктов, а язычники осуждаются в их необузданных страстях и звериной похоти: *Инъ же законъ гилломъ: жены у нихъ орють, и хоромы зиждють, и мужьскыя дѣла творять, но и любви творить елико хочеть, не въздѣржаемы от мужий своихъ отинудь, ни зазрять* (ПВЛ).

В отрывках фольклорного происхождения употребление лексики с корневым *люб-* свидетельствует о земном восприятии данного чувства, так, в «Легенде о Вещем Олеге» говорится о любви князя к своему коню: *Княже! Конь, егоже любиши и ѣздиши на немъ, от того ти умрети* (ПВЛ, 912 г.).

В контекстах исторического, документального, биографического характера смысловое содержание понятия «любовь» в древнерусском языке оказывается гораздо ближе к понятию «дружба», что отражается в таких значениях слова *любовь*, как ‘привязанность’, ‘благосклонность’, ‘приверженность’, ‘согласие’. Под любовью подразумевались именно дружеские отношения, а не страсть, влечение к лицу другого пола.

В Древней Руси любовь понималась многопланово, это был концепт с широким семантическим объемом, включавшим не только моральное, но и социальное содержание. В текстах договоров русских с греками, которые вошли в состав летописи, понятие «любовь» маркируется как социально значимое явление, относящееся к отношениям между странами и народами: *Но потщимся, елико по силѣ, на сохране-*

ние прочихъ и въсегда лѣтъ с вами, грѣхы, исповѣданіемъ и написаниемъ съ клятвою извѣщаемую **любовь** непревратну и непостыжну (ПВЛ, 912 г.). Не случайно в переложении данного отрывка из «Повести временных лет» на современный русский язык Д. С. Лихачев использует слово *дружба*, потому что современному читателю покажется необычным, что народы в таком документе договариваются о любви. Атрибутивные компоненты сочетаний со словом *любовь* вносят в содержание понятия те семантические доли, которые имеют непосредственное отношение к сути договора: *непревратный* ‘незыблемый, непоколебимый, неизменный’, *непостыжный* ‘безупречный’.

В тексте летописи слово *любовь* входит в состав многих парных конструкций, в которых обнаруживаются семантическая многоплановость, емкость выражаемого понятия, среди которых *миръ и любовь, вѣра и любовь, твердь и любовь* (‘прочный мир и любовь’).

В процессе развития человеческого познания чувства любви, его разносторонних проявлений возникает необходимость в их номинации, что находит выражение в новых словесных формах, в производных словах, обозначающих разные аспекты выражаемого чувства. «С помощью словообразования создаются номинации реалий, значимых для общественного сознания, входящих в систему ценностных представлений человека средних веков» [7, с. 54].

Помимо самого слова *любовь*, корень *люб-* достаточно широко представлен в лексике «Повести временных лет» в составе производных различных частей речи: глаголов – *любити, възлюбити, излюбиша, узлюбити*; причастий – *любимый, възлюбленный*; прилагательных – *любезнивый, боголюбивый, братолюбивый, христолюбивый* и др.; существительных – *женолюбець, любодѣица, ницелюбець* и др.

Из приставочных глаголов наиболее распространены формы с префиксом *въз-*. Данная приставка является стилистически маркированной, связанной со старославянской языковой традицией, ее значение ‘движение вверх, воспарение’ [15, с. 1-2]. При присоединении префикса *въз-* к основе глагола *любити* возвышенность обозначенного чувства и его отнесенность к высоким нематериальным сферам усиливается, происходит подчеркивание соответствующего содержания не только семантически, но и морфологически. Использование глагола *възлюбити* связано с церемониальностью манеры повествования в древнерусском тексте, характерной и для летописных отрывков церковного характера. Также в «Повести временных лет» используются глаголы с приставками *из-* и *уз-* (фонетического варианта приставки *въз-*). Приставка *из-* вносит в глагол *излюбити* дополнительный компонент значения ‘выбрать избрать, предпочесть’. Данное значение реализуется в воинской повести о сражении с половцами: *Излюбиша свѣто съ и преидоша Стъгну рѣку, бѣ бо тогда наводнилася велми* (ПВЛ, 1093 г.)

К числу распространенных в тексте летописи относится страдательное причастие *любимый*. В «Сказании о Борисе и Глебе», написанном в агиографическом стиле, лексема *любимый* используется для выражения родственного, братского чувства. Глеб, узнавший о гибели брата Бориса, сокрушается о произошедшем и со слезами обращается к Богу: *Кде суть словеса твоя, яже глаголаше ко мнѣ, брате мой **любимый**?* (ПВЛ, 1015 г.). Это же определение используется и в сочетании с существительным собирательного значения *дружина*, что подчеркивает важность и значимость для правителя княжеского войска. Оно используется в обращении Ярослава к дружине в связи с убийством родных: *Заутра же собравъ избытокъ новгородцевъ и рече Ярославъ: “О, любимая дружино, юже избихъ вчера, а нынѣ быша надобѣ”* (ПВЛ, 1015 г.).

Старославянским по происхождению является прилагательное *любезнивьй*, употреблявшееся как в значении 'любящий, исполненный любви', так и в более прагматическом смысле 'имеющий склонность, пристрастие, приверженность'. Актуализация того или иного значения зависит от контекста. При характеристике отношения князя Владимира к высшим церковным деятелям, а также к простым монахам подчеркивается его христианское благорасположение, значимое для того времени: *Володимеръ же такъ есть **любъзнивъ**: **любовь** имѣя к митрополитомъ и къ епискупомъ и къ игуменом, паче же и черноризецъкии чинъ любя* (ПВЛ, 1097 г.). В дружинном предании об испытании Святослава дарами слово *любезнивьй* выражает значение 'имеющий склонность, пристрастие, приверженность': *Посли к нему дары, искусимъ и, **любезнивъ** ли есть злату, или паволокам?* (ПВЛ, 971 г.).

Корень *люб-* является частотным компонентом в составе сложных слов. Он использовался при калькировании соответствующих греческих единиц. Кальки с греческого были очень популярны в лексике древнерусских книжников, так как способствовали передаче необходимой стилистической возвышенности, пафосности, идеальности изображаемых идей. Они представлены в большом количестве в произведениях высокого книжного стиля и являются его яркими приметами. Поэтому в составе летописей они не отмечаются в фольклорных отрывках, а выступают в погодных статьях, связанных с богословской традицией, в житиях, похвальных словах, морализаторских отступлениях летописцев.

Среди них представлены адъективы: *боголюбивый, братолюбивый, христолюбивый, страннолюбивый*, а также субстантивы с общим значением лица и действия: *прелюбодѣица, любодѣица, женолюбъць, нищелюбъць, челоуѣколюбъць, враждолюбъць, прелюбодѣяние, челоуѣколюбие, братолюбие*. Среди сложных адъективов с компонентом *люб-* большинство характеризуются положительной коннотацией и направленностью на достойные этого чувства объекты, а среди сложных субстантивов немало форм негативного содержания. Если корень *люб-* выступает с семантикой 'страсть, влечение к лицу другого пола', то сложное слово имеет негативную коннотацию: *любодѣица* 'развратница, распутница', *прелюбодѣи* 'прелюбодеи, развратник', *прелюбодѣица* 'прелюбодеица, развратница', *женолюбъць* 'любитель женщин', *прелюбодѣяние* 'прелюбодеяние, нарушение супружеской верности'. Полигамная любовь, любовь-страсть, не имевшая духовного основания, получает однозначное осуждение в системе нравственных ценностей христианского мировосприятия.

В словах со вторым компонентом *люб-* первая часть содержит указание на объект данного чувства: *братолюбие* 'любовь к брату, ближнему', *челоуѣколюбие* 'любовь к людям, милосердие'. К числу наиболее значимых положительных качеств исторических персонажей относятся те, которые характеризуют их с точки зрения высшей любви, то есть любви к Богу: *боголюбъць* 'любящий Бога', *христолюбъць* 'преданный Христу'. С другой стороны, направленность божественной любви на человека отражается в сложном слове *челоуѣколюбъць*, обозначающем 'любящий человечество' и являющемся одним из устойчивых атрибутов Бога. В противоположность Богу дьявол также характеризуется через композит, включающий элемент *люб-*, *враждолюбъць* в значении 'тот, кто любит зло, вызывает ссоры, вражду'. Данная лексема выступает в функции устойчивого приложения к слову дьявол: *И от тѣхъ заповѣдано обновити ветхый миръ и от ненавидящаго добра, **въраждолюбца** дьявола* (ПВЛ, 945 г.).

Заключение

Таким образом, в этической картине мира русского средневековья морально-нравственные категории занимают значительное место. Морализаторство и дидактизм летописного повествования были обусловлены становлением новой христиан-

ской модели мира. Этико-философское представление о любви, основанное на гуманистических идеях христианской идеологии, представляет основные ее содержательные аспекты. Любовь выступает как понятие многоплановое: в своем высшем проявлении это чувство, одухотворенное идеей божественной природы всего земного, возвышенное, которое должен испытывать истинный христианин по отношению к Богу. Благодаря глубокому пониманию божественной сущности любви человек достигал высших благ. В то же время в летописях отразилась и другая сторона любви, связанная с обозначением социальных отношений. В этом аспекте любовь понимается как синоним дружбы. Поскольку эмоциональная составляющая не входила в поле зрения летописца в соответствии с особенностями художественного метода того времени, индивидуализированные характеры не получали отражения в текстах. Содержательная направленность повествования на освещение событий церковной и политической истории исключает актуализацию значения личной симпатии, привязанности у слова *любовь*. При описании конкретных персонажей лексема *любовь* использовалась только при характеристике князей и их взаимоотношений, то есть приобретала социальное звучание. Поэтому в языковом сознании летописца эпохи средневековья мирское и христианское понимание любви были тесно переплетены.

Немаловажным представляется взаимодействие важнейших концептов русской культуры в соответствии с общей идеологической задачей времени – утверждением новой христианской идеологии, поэтому понятия, составляющие основные константы этической картины мира эпохи русского средневековья: *любовь, добро, совесть, вѣра, честь, воля* – были тесно взаимосвязаны.

Список источников и литературы

1. Адрианова-Перетц В. П. Человек в учительной литературе древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 27: История жанров в русской литературе X – XVII вв. Л.: Наука, 1972. С. 3–68.
2. Введение в философию / И. Т. Фролов [и др.]. М.: Республика, 2003. 623 с.
3. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 336 с.
4. Громов М. Н. Структура и типология русской средневековой философии. М.: Ин-т филол. РАН, 1997. 289 с.
5. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
6. Дмитриева Н. М., Линтовская Е. М. Этический смысл концепта «Любовь» в русской языковой картине мира (на материале словарей XI – XIX веков) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 7 (195). С. 44–49.
7. Ерофеева И. В. Функционально-семантические особенности производных субстантивов в текстах летописного жанра // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2016. Т. 15, № 2. С. 53–61.
8. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
9. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 624 с.
10. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мудрость слова. СПб.: Изд-во филол. фак-та СПбГУ, 2011. 480 с.
11. Корлякова А. В., Чебаков Р. К. Философия любви в историческом развитии // Система ценностей современного общества. 2014. № 38. С. 49–53.
12. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. 180 с.
13. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Худож. лит., 1971. 415 с.
14. Магомедов К. М. О степени богообразности и богоподобия человека в рациональной теологии // Исламоведение. 2014. № 4. С. 58–65.
15. Марков В. М. Приставка вз- (воз-) в русском языке // Opera Slavica. 2001. Vol. 11 (4). P. 1–5.

16. Повесть временных лет (ПВЛ) / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 1999. 668 с.
17. *Словарь русского языка XI – XVII вв.* / Ин-т рус. яз. РАН. М.: Наука, 1975-2015. Вып. 1-30.
18. *Соловьев В. С. Смысл любви // Русская философия: история, источники, исследования* : сайт. URL: <https://philhist.spbu.ru/11-biblioteka/istochniki/150-solovev-v-s-smysl-lyubvi.html> (дата обращения: 28.04.2024).
19. *Ужанков А. Н. Стадиальное развитие русской литературы XI – первой трети XVIII века* Теория литературных формаций. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2008. 528 с.
20. *Ужанков А. Н. Картина мира древнерусского книжника. Категории русской средневековой культуры.* М.: Ин-т Наследия, 2022. 212 с.

References

1. Adrianova-Peretts, VP 1972, 'Chelovek v uchitelnoy literature drevney Rusi' (Human in the educational literature of ancient Russia), *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* (Proceedings of the Department of Old Russian Literature), vol. 27, *Istoriya zhanrov v russkoy literature X-XVII vv.* (History of genres in Russian literature of the 10th – 17th centuries), Nauka publ, pp. 3–68, Leningrad. (In Russ.)
2. Frolov, IT 2003, *Vvedeniye v filosofiyu* (Introduction to philosophy), Respublika publ, Moscow. (In Russ.)
3. Vendina, TI 2002, *Srednevekovyy chelovek v zerkale staroslavvyanskogo yazyka* (Medieval humzn in the mirror of the Old Church Slavonic language), Indrik publ, Moscow. (In Russ.)
4. Gromov, MN 1997, *Struktura i tipologiya russkoy srednevekovoy filosofii* (Structure and typology of Russian medieval philosophy), Institut filosofii RAN publ, Moscow. (In Russ.)
5. Gurevich, AYа 1984, *Kategorii srednevekovoy kultury* (Categories of medieval culture), Iskusstvo publ, Moscow. (In Russ.)
6. Dmitriyeva, NM & Lintovskaya, EM 2016, 'Eticheskiy smysl kontsepta «Lyubov» v russkoy yazykovoy kartine mira (na materiale slovarey XI – XIX vekov)' (The ethical sense of the concept «Love» in Russian language picture of the world (on the material of dictionaries of the 11th – 19th centuries)), *Vestnik of the Orenburg State University*, no. 7 (195), pp. 44–49. (In Russ.)
7. Erofeyeva, IV 2016, 'Funktsionalno-semanticheskiye osobennosti proizvodnykh substantivov v tekstakh letopisnogo zhanra' (The functional-semantic peculiarities of derivative words in the texts of chronicle genre), *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, vol. 15, no. 2, pp. 53–61. (In Russ.)
8. Kolesov, VV 2004, *Yazyk i mentalnost* (Language and mentality), Peterburgskoye vostokovedeniye publ, St. Petersburg. (In Russ.)
9. Kolesov, VV 2006, *Russkaya mentalnost v yazyke i tekste* (Russian mentality in language and text), Peterburgskoye Vostokovedeniye publ, St. Petersburg. (In Russ.)
10. Kolesov, VV 2011, *Drevnyaya Rus: naslediyе v slove. Mudrost slova* (Ancient Russia: heritage in words. The wisdom of the word), Izd-vo filol. fak-ta SPbGU publ, St. Petersburg. (In Russ.)
11. Korlyakova, AV & Chebakov, RK 2014, 'Filosofiya lyubvi v istoricheskom razvitii' (Philosophy of love in historical development), *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva*, no. 38, pp. 49–53. (In Russ.)
12. Likhachyov, DS 1970, *Chelovek v literature Drevney Rusi* (Human in the literature of Ancient Russia Русь), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
13. Likhachyov, DS 1971, *Poetika drevnerusskoy literatury* (Poetics of Old Russian Literature), Khudozh. lit. publ, Leningrad. (In Russ.)
14. Magomedov, KM 2014, 'O stepeni bogoobraznosti i bogopodobiya cheloveka v ratsionalnoy teologii' (On the degree of godlikeness and image of God of man in rational theology), *Islamic Studies*, no. 4, pp. 58–65. (In Russ.)
15. Markov, VM 2001, 'Pristavka vz- (voz-) v russkom yazyke' (Prefix vz- (voz-) in Russian language), *Opera Slavica*, vol. 11, no. 4, pp. 1–5. (In Russ.)

16. Likhachyov, DS 1999, *Povest vremennykh let* (The Tale of Bygone Years), ed. V.P. Adrianova-Peretts, Nauka publ, St. Petersburg. (In Russ.)
 17. *Slovar russkogo yazyka XI – XVII vv.* (Dictionary of the Russian language of 11th – 17th centuries) 1975-2015, vols. 1-30, Nauka publ, Moscow (In Russ.).
 18. Solovyov, VS, ‘Smysl lyubvi’ (The meaning of love), *Russkaya filosofiya: istoriya, istochniki, issledovaniya* (Russian Philosophy: History, Sources, Research), viewed 28 April 2024, <https://philhist.spbu.ru/11-biblioteka/istochniki/150-solovev-v-s-smysl-lyubvi.html> (In Russ.)
 19. Uzhankov, AN 2008, *Stadialnoye razvitiye russkoy literatury XI – pervoy treti XVIII veka. Teoriya literaturnykh formatsiy* (Stage-by-stage development of Russian literature of the 11th – first third of the 18th century. Theory of literary formations), Literaturnyy institut im. A.M. Gorkogo publ, Moscow. (In Russ.)
 20. Uzhankov, AN 2022, *Kartina mira drevnerusskogo knizhnika. Kategorii russkoy srednevekovoy kultury* (Picture of the world of an ancient Russian literator. Categories of Russian medieval culture), In-t Naslediya publ, Moscow. (In Russ.)
-

Вклад авторов:

Ерофеева И. В. – идея, сбор и обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста.

Пильгун М. А. – идея, сбор и обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста.

Contribution of the authors:

Irina V. Erofeyeva – idea, collection and processing of material, writing an article, scientific text edition.

Mariya A. Pilgun – idea, collection and processing of material, writing an article, scientific text edition.

Статья поступила в редакцию: 24.05.2024
Одобрена после рецензирования: 13.09.2024
Принята к публикации: 13.09.2024

The article was submitted: 24.05.2024
Approved after reviewing: 13.09.2024
Accepted for publication: 13.09.2024